

ИУДА ПРЕДАТЕЛЬ.

*„Никто же отъ нихъ погibe, токмо сынъ погibelный, да сбудется Писаніе“
(Іоан. 17, 12).*

Законъ нравственнаго равновѣсія, состоящій въ самовозмездіи добра и зла или любви и эгоизма, по своей отрицательной сторонѣ, нигдѣ не выявленъ такъ кратко и сильно, какъ въ глубоко трагичныхъ повѣствованіяхъ библейскихъ о Каинѣ и Іудѣ.

Братоубійца Каинъ возмущается предпочтеніемъ со стороны Бога жертвы пастушества предъ жертвою земледѣлія, и потомъ всю жизнь самопреслѣдуется вопіявшимъ отъ земли голосомъ пролитой имъ крови брата своего, ставшаго невинною жертвою эгоистической самооцѣнки первоначальника земледѣлія, наукъ и искусствъ.

Іуда Искаріотъ—предатель „невинной крови“ Учителя изъза національно-эгоистической идеи политическаго паніудизма, оказавшейся безсильною мечтою жалкаго сверхчеловѣка предъ ужасною правдою преданія невинной крови Богочеловѣка и чрезъ нѣсколько часовъ послѣ злодѣянія заставившей предателя въ страшныхъ мукахъ совѣсти сказать: „согрѣшилъ я, предавъ кровь невинную“ и „пойти и удавиться“.

Не случайно древне-христіанская гностическая секта Каинитовъ сближала Каина съ Іудой, превращая этихъ отчаянныхъ эгоистовъ самоправды и самосуда въ своихъ героевъ. Въ рядъ съ ними можно бы поставить и „Вѣчнаго Жіда“, если бы это не было легендою, только продолжившею и развившею идею самоправды и самосуда Предателя, обративъ

его въ типическаго выразителя измѣны Иеговѣ со стороны всего іудейскаго народа.

1. Имя: Іуда. Въ лучшихъ греческихъ кадексахъ пишется *ioudas*, латинскихъ *iudas*, Сирскомъ іерусалимскомъ соотвѣственно греческой орфографіи יודא и יודאס , а во всѣхъ прочихъ יודא соотвѣственно еврейско-библейскому יודא (по Быт. 29, 35 и 49, 8—отъ יוד восхвалять, т.-е. Иегову), въ Ассир. клинообр. *ia-u-da*. Первый такое имя получилъ четвертый сынъ Іакова отъ Лии,—родоначальникъ царственнаго колѣна Іудина, гдѣ находилась столица іудейскаго царства Іерусалимъ и единственный для всего народа и цѣлой страны храмъ,—отъ этого Іуды весь народъ получилъ свое названіе,—колѣно Іудино составляло и главное зерно послѣпленного іудейства.

До Езры и Нееміи, кромѣ патріарха, лица съ такимъ именемъ не встрѣчается въ ветхозавѣтной Библии ¹⁾. Но по возвращеніи Іудеевъ изъ плѣна, въ эпоху сильнаго патриотическаго и религіознаго одушевленія, евреи предпочитали имена славныхъ лицъ національной исторіи: Іакова, Іосифа, Симеона, Іисуса, Маріи др. Особенно любили имена славныхъ предковъ своего колѣна: Еласавета изъ дочерей Аароновыхъ, Савль изъ колѣна Веніамина и под.

Іуда было однимъ изъ самыхъ распространенныхъ именъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ: 1) Неем. 11, 9, — 2) Езр. 3, 9 и Неем. 12, 8,—3) Неем. 12, 34,—4) Неем. 12, 36,—5) Езр. 9 (10), 23,—6) третій сынъ Матеія по прозванію Маккавей 1 Макк. 2, 4 *Ios. Antiq.* XII, 6 до конца книги и нач. XIII, *Niese* III. 117 sq. §§ 266 — 434 и *Bell.* 1, 3—4, *Niese* VI, 10 sq. §§ 37 — 59. 7) Сынъ Халфи 1 Макк. 13, 8 (?), — Хапса у Флавія *Antiq.* XIII, 5. 7. *Niese* III p. 179. § 161,—8) сынъ Симона Маккавей 1 Макк. 16, 2 ср. 2 Макк. 1, 10, Флав. *Bell.* 1, 3. 5 *Niese* VI p. 19. § 78. Въ Новомъ Завѣтѣ: 9) предокъ Господа у Луки 3, 30,—10) Іуда Алфеевъ, братъ Іакова Алфеева—братья Господа и Апостолы изъ Двѣнадцати (нѣкоторые считаютъ Апостоловъ Іуду и Іакова и братьевъ Господа за разныхъ лицъ) Мѡ. 13, 55 Мк. 6, 3 Лк. 6, 16 Дѣян. 1, 13 Іуд. 1,—11) Іуда Варсава Дн. 9, 11 — 15. 22. 27. 32. 34 и 12) извѣ-

¹⁾ Только у Іосифа Флавія такъ называется сынъ Аминадава *Antiq.* XI, 4. 2. *Niese* III. § 79. p. 19,—и у Луки одинъ изъ предковъ Господа 3. 30.

стный патриотическій вождь Іуда Галилеянинъ (Гавлони-
 тьянинъ изъ Гамалы по Іос. Фл.) Дн, 5, 37 Іос. Фл. Antiq.
 XVIII. 1. 1. Niese §§ 4—10 III. p. 140 sq. ib, с. 6. § 23—
 25 p. 144,—XX. 5. 2. § 102 p. 293 Bell. II. 8. 1. Niese VI. § 118
 p. 176 и 17. 8. § 433 p. 234,—VII. 8. 1. p. 603 § 253. У Іо-
 сифа Флавія: 13) ессейскій пророкъ Antiq. XIII. 11. 2. Bell.
 1. 3. 5,—14) еврейское имя царя Аристовула 1 Ant. XX, 10.
 3,—15) сынъ Сарифея, ученый мужъ, виновникъ возстанія
 противъ Ирода, умерщвленный имъ Ant. XVII. 6. 2—3 и 9,
 3 Bell, 1. 32. 2—4,—16) сынъ Езекии разбойникъ Ant. XVII, 10.
 5 sq. Bell. II, 4. 1,—17) іерусалимлянинъ, посланный съ Іосифомъ
 въ Галилею во время войны съ Римомъ Vit. 7. 12. 13.
 14,—18) сынъ Ионаана Bell. II, 17. 10 и 21. 7, — 19) сынъ
 Ари Зилоть Bell. VI, 1. 8; VII, 6. 5. Въ литературѣ раввин-
 ской: 20) ben—Tabbai,—21) ben—Baba,— 22) ha—Kohen, — 23)
 ben—Bethera,—24) ben—Elai или Elai и 25) ha—Nasi или ha—
 Kadosch редакторъ Мишны. (ср. Указатель Schürer'a къ Ge-
 schichte des Jüdischen Volkes zum Zeitalter Iesu Christi, подъ Iuda
 на стр. 59. а.).

Въ этомъ длинномъ ряду почти половина Іудъ являются
 дѣятелями съ характеромъ религіознымъ, національнымъ и
 политическимъ. Повидимому имя Іуды было любимымъ въ
 религіозно-политически и націоналистически настроенныхъ
 кругахъ послѣпльннago іудейства. Объясняется это конечно
 особымъ значеніемъ колѣна Іудина въ доплънной исторіи
 народа и сохраненіемъ національности въ этомъ колѣнѣ
 послѣ возвращенія изъ плѣна.

Въ виду этого не только можно, но и вполне естественно
 предполагать, что и Іуда Искаріотъ своимъ именемъ обязанъ
 былъ особенному политически-религіозному одушевленію и
 національно-патриотическому настроенію своей семьи, ва-
 шедшему свое крайнее выраженіе въ фанатичности зило-
 тизма. Такому настроенію, какъ и избранію имени, должно
 было содѣйствовать также и то, что родъ Іуды принадле-
 жалъ именно къ колѣну Іудину, на что указываетъ прозваніе
 Искаріотъ, по происхожденію изъ города Каріотъ, находив-
 шагося въ колѣнѣ Іудиномъ (см. ниже § 3).

II. Отчество или второе имя: Симонъ или Симоновъ. Въ до-
 полненіе къ Синоптикамъ, знающимъ одно только имя Іуды,
 у Іоанна, по всѣмъ почти спискамъ, сообщается другое имя

Симонъ, въ большинствѣ кодексовъ какъ отечество или имя отца Іуды. Такъ Іоан. 6, 71 всѣ Греч. Сир. кур. пеш. и геракл Лат мн. Вульг Саг Копт Гот Арм Ориг Кир ал. Слав. (Мар. Зогр Гал. Ник. Ал—*сімоня* конст и поздн),—12, 4 АК др. нѣк Лат. мн. Сир геракл Гот Эѳ кодд нѣк Слав. (Мар Мир Гал *симонъ* ?),—13, 2 & АВ др Вг Арм нѣк Лат мн. Сир пеш и геракл и син (іер оп) Эѳ Кир Слав (Остр Гал Мст Мар Зогр),—13, 26 & ABCD др мн 1. 33. 69. Лат мн. Вульг Ориг Кир Гот Копт Сир син и пеш (кур и іер нѣтъ). Но во многихъ древнихъ текстахъ это имя дается, какъ второе, самому Іудѣ: Іоан 6, 71 нѣк лат. Слав. Ал. *сімоня* 12, 4 въ FGH др нѣк Лат Слав *симонъ* — Савв. Ост Зогр Ал и *симонъ*? Мар Мир Гал, — 13, 2 Ориг 4, 216. ed Rue, нѣк Лат Копт, Слав Савв *симону* Рейм *симуму* Ник Ал,—также нѣкоторые минускулы опускаютъ имя Іуды, имѣя одно Симонъ, 13, 26 нѣк мин Лат нѣк Слав (Ник Ал симону Гал Зогр Мар *симоню*?) Другіе совсѣмъ опускаютъ имя Симонъ: Іоан. 6, 71 Сир син и Лат I,—12, 4 & BDL др мн. 1. 33. g. Vg. Сир пеш и іер Копт нѣк Эѳ Арм Кир Авг Слав (Асс Юр Мст), — 13, 2 Сир іер Элат 8, 474 Montf и Orig int,—13, 26 Сир кур. и іер Лат нѣк Арм.

Вся вѣроятность, какъ видно, на сторонѣ перваго чтенія, т.-е имя Симонъ принадлежало отцу Іуды. Но и столь авторитетно засвидѣтельствованнаго варианта нельзя оставлять безъ всякаго вниманія. Это разночтеніе можно объяснить предположеніемъ, что и самъ Іуда, по обычаю, носилъ имя отца своего въ качествѣ второго имени (ср. Лук. 1, 59. 61),—преданіе объ этомъ второмъ имени и могло отразиться въ вариантахъ. Для рѣшенія этого вопроса могло бы имѣть значеніе извѣстіе, что отецъ Іуды былъ не Симонъ, а Рувимъ изъ колѣна Іудина, если бы оно не принадлежало средне-вѣковой французской легендѣ (Creizenach, Judas Ischarioth in Legende und Sage des Mittelalters, 1875. S. 22.

III. Прозвище: Искариотъ или Скариотъ. Уже разнообразіе написаній этого прозванія въ древнихъ рукописяхъ евангельскихъ и у древнихъ писателей даетъ видѣть, что оно было непонятно для нихъ. Отсюда разнообразіе толкованій.

Для возможныхъ здѣсь болѣе твердыхъ выводовъ надо установить сначала орѳографію.

Встрѣчаются: *ισχαριωθ*, *σκαριωθ*, *carioth*, *ισχαριωτης*, *σκαριωτης*, *cariothos* (75)—*cariothes*.

Легче опредѣлить окончаніе, которое должно было быть конечно семитическимъ $\omega\theta = \Gamma$, такъ какъ изъ него естественно объясняется грецированное $\tau\eta\varsigma$ или $\theta\eta\varsigma$, напротивъ изъ греческаго $\tau\eta\varsigma$ невозможно объяснить семитизацію $\omega\theta$. Какую форму должна была бы принять семитизація греческаго $\tau\eta\varsigma$, показываютъ сирскіе тексты, переводные съ греческаго и имѣющіе устойчиво повсюду окончаніе $\aleph\zeta$.

Группируя употребленіе семитической формы окончанія $\omega\theta$ по кодексамъ, текстамъ и мѣстамъ, получаемъ классификацію ихъ въ такой градаціи:

а) кодексы: D. N. V. C. L. 33. a. f. ff 1 ft 2 b d e f c l Vg др.

б) тексты: Маркъ, Лука, Матѳей и Іоаннъ.

в) мѣста: Мк. 3, 19 Лк 6, 16 Мѳ 10, 4 (Ін 6, 71) Мк 14, 16 Лк 22, 3. 47 Мѳ 26, 14 Ін 13, 26,—14, 22,—13, 2 и 12, 4

Это значитъ, что древнѣйшая или изначальная семитическая форма слова сохранилась въ кодексахъ въ такомъ порядкѣ по степени сохранности въ нихъ этой формы: Безы (полагаютъ, что этотъ кодексъ болѣе всѣхъ другихъ сохранилъ древнѣйшія, даже докононическія, чтенія евангельскаго текста), Синайскомъ, Ватиканскомъ, Ефремовомъ, L, 33 (замѣчательнѣйшій изъ минускульныхъ) и особенно въ Латинскихъ a, ff др., также вообще сохранившихъ не мало древнѣйшихъ чтеній. Изъ евангелій на первомъ мѣстѣ стоитъ Маркъ, потомъ Лука, далѣе Матѳей и наконецъ позднѣе другихъ писавшій Іоаннъ. Изъ евангельскихъ мѣстъ эта форма встрѣчается преимущественно въ апостольскомъ спискѣ Мк 3, 19 Лк 6, 16 Мѳ 10, 4 ср. парал. Ін. 6, 71 ¹⁾.

Это наблюденіе о концѣ слова даетъ возможность нѣсколько ориентироваться и въ орфографіи его начала.

Форма *ισκ...* встрѣчается постоянно въ N (Ін 6, 71 N с. а N* *ὁ ἀπὸ χαρ...*) A. V. C. (D Лк 22, 3 и 47) др. мн какъ и

¹⁾ Упорное написаніе во всѣхъ сирскихъ текстахъ не Γ , а $\aleph\zeta$, именно ζ и никогда Γ , даетъ видѣть зависимость этихъ текстовъ отъ греческихъ оригиналовъ, не исключая даже древнѣйшихъ—Куретюнова и Синайскаго,—и именно съ окончаніемъ $\tau\eta\varsigma$, какъ постоянно Алекс, перѣдко Син, Ват, Ефр и иногда даже Безы. Латин. окончаніе *thes*—греч. $\theta\eta\varsigma$ есть переходная форма между семит. и греческою формами. Латин. *otha* есть латинизація греч. $\omega\theta$, а *ta*—латинизація греч. $\tau\eta\varsigma$. Древнеслав: *скарить*, *скарить*, *скаритьски* и *скаритьскимъ*—*σκαριωτης*,—*искарить*, *искарить*, *искаритьски*, *искаритьскимъ*—*ισκαριωτης*.

минускулы, Лат. мн. Вульг. изд. Саг Копт Эѳ Гот Сир кур пеш геракл (вар) Арм Ориг Евс. Злат Кир ал Авг. Славянскіе: *искариотъ(ъ)скы(и)*: Гал Мар Зогр (вездѣ, кромѣ ниже указанныхъ). Остр (Ін 12,4; 13, 2; 14, 22) Рейм (Ін 13, 2) Асс (Мѳ. 26, 14; Ін 12, 4) Савв (тамъ же гдѣ Асс. и кромѣ того Ін 13, 2), — *искариотъ(ѳ)*: Мар Зогр Гал (Лк 22, 3 и Ін 6, 71) Остр (Мѳ 26, 14) Ал (Мѳ 10, 4; Ін 12, 4; 13, 2. 26) и *искаритѣнинь* Ник (Ін 13, 2).

Другая форма: *ош...* употребляется въ D всегда, кромѣ Лк 22, 3 (*искариотѳ*) и 47 (*искариотѳ* попр. *εισκ...*) и Ін 12, 4; 13, 2. 26 и 14, 22, гдѣ имя это приведено не въ оригиналѣ, а въ толкованіи *ὁ ἀπὸ καρριωτου*. Но относительно Лк 22, 47 замѣтимъ, что имя Іуды стоитъ здѣсь съ этимъ прозваніемъ еще только въ d (латинскій текстъ греч. код. D—iscariot) и l (но scarioth) и 157 (*ισκ—της*),—при томъ съ поправкою *εισκ...* Это даетъ намъ право думать, что писецъ кодекса не читалъ здѣсь прозванія въ своемъ оригиналѣ, употреблявшемъ всегда *ошариотѳ*, но вставилъ прозваніе отъ себя, по опискѣ или намѣренно,—притомъ въ той формѣ, какъ онъ привыкъ произносить это слово. Точно также и Лк 22, 3 съ опискою *искариотѳ* указываетъ на происхождение этого слова здѣсь именно въ этой формѣ отъ самого писца, сдѣлавшаго ошибку подъ вліяніемъ усвоеннаго имъ обычнаго произношенія слова, а не изъ оригинала. А Іоан. 12, 4, и др., какъ толкованіе прозванія, ничего не говоритъ о первоначальной формѣ и написаніи его въ оригиналѣ (ср. ниже). Такимъ образомъ можно установить, что первооригиналъ кодекса D вездѣ употреблялъ форму *ошариотѳ*. Затѣмъ: одни постоянно, другіе болѣе или менѣе часто употребляютъ эту форму: а b c d др лат Сир син (□) іер (ι и □) пеш (вар) Вг Гилар. (Лк. 22, 3) Славянскіе: *скарриотъ(ѳ)скы(и)* Юр Мст Карп (Мѳ 10, 4 Амф?) Гал (Ін 14, 22 Амф?) Мир (Мѳ 10, 4; 26, 14; Мк 3, 19; Лк 6, 16; Ін 12, 4) Рейм (Ін. 13, 2) Ник (Мѳ 10, 4; 26, 14; Мк 3, 19),—*скарриотъ(ѳ)* Добр (Ін 12, 4) Мир (Лк 22, 3); и *скарриотѣнинь* Ник (Мк 14, 10. 43; Лк 6, 16; 22, 3; Ін 6, 71; 12, 4; 13, 2; 13, 26; 14, 22).

Наконецъ форма *кар...* встрѣчается въ вышеуказанныхъ мѣстахъ кодекса D и d и №* Ін 6, 71 и здѣсь же, очевидно въ зависимости отъ текста, читаемаго въ №*, минуск. 69 и 124, Лат е и Сир геракл на полѣ греч текста,—кромѣ того

древне-Лат *b e h k* въ нѣк мѣстахъ. Собственно въ греческихъ текстахъ нѣтъ формы *καριωθ*, только въ нѣк. латинскихъ есть *carioth* МѠ. 10, 4 въ *b* и 26, 14 въ *h* Ін 6, 71 въ *e*,—въ др *cariotha*=греч *καριωτης* или *χοριωθης*=каріотянинъ (ср. ниже).

Кромѣ того имѣются не представляющіе особой важности варианты въ написаніи буквъ;

а., *σ*—лат: *insecarioth*, *isscarioth* (код U—*καρ...* описка), Сир: *ⲟ* видѣ и *ⲓ*—варианты въ іер.

б., и *κ*—Ориг Лк 22, 3 16 *ισχ...* *ch* въ лат *e* и *i*,—Сир кур и пеш *ⲣ* и *ⲗ*, син іер *ⲗ*.

Разобраться помогутъ соображенія:

1., Чтеніе *καριωτης* очевидно истолковательнаго происхожденія, понимающее терминъ какъ *κ** и *D ὁ ἀπὸ καρῶτου* и могшее возникнуть изъ обѣихъ формъ: *ισχ...* и *σχ...* т. е. беретъ терминъ въ значеніи *Каріотянинъ*=человѣкъ или *кто изъ Каріотъ*, аналогично окончанія: *σαμαρείτης*, *ἐλαμίτης*, *ἱεροβωλυμίτης*, *κρίτης* под. Сюда же можемъ отнести лат. *cariotha* и *cariota*=*καριωτης*. Лат *carioth*, коему нѣтъ греч. параллели *καριωθ*, можетъ быть обязано своимъ происхожденіемъ толкованію имени въ смыслѣ вражды и противленія (ср. ниже). Во всякомъ случаѣ это—чтенія рѣдкія и непринадлежать авторитетамъ.

2., Форма *ισχ...* хотя количественно преобладаетъ, но качество на сторонѣ формы *σχ...*, ибо она встрѣчается постоянно въ кодексѣ Безы и часто въ древне-латинскихъ текстахъ, сохранившихъ много первочтеній.

3., Сирскіе кур и пеш *ⲕⲣⲓⲱⲧⲏⲥ* сдѣланы съ греческихъ уже (а не съ перво-текста еврейскаго или арамейско-палестинскаго) текстовъ, могшихъ читать *ισκαριωτης*. Но син, іер и варианты пеш сохраняютъ и форму *D* и древне-латинскихъ: *σχ...* *ⲕⲣⲓⲱⲧⲏⲥ* син и пеш и *ⲕⲣⲓⲱⲧⲏⲥ* іер. Притомъ и первая форма кур и пеш еще легче объясняется изъ этого второго греческаго чтенія.

4., Основываясь на древнѣйшихъ толкованіяхъ прозванія въ *D* и *κ** (ср лат *d* и лат *cariotes*, *cariota*, *cariothes*) въ смыслѣ мѣста родины: *ὁ ἀπὸ καρῶτοῦ*=человѣкъ изъ *каріота* или *кто (кто) изъ каріотъ*,—на первоначальномъ еврейскомъ или арамейско-палестинскомъ могло быть какъ *ⲕⲣⲓⲱⲧⲏⲥ* такъ и *ⲕⲣⲓⲱⲧⲏⲥ*. Въ первомъ: *человѣкъ* (*ⲱⲏⲥ*) *Каріотъ* или *изъ Каріотъ*,

Каріотянинъ. Тоже самое и во второмъ, только вмѣсто $\Psi\aleph$ —мужъ, человекъ,—будетъ— $\Psi=\aleph\aleph$ —*кто, кто, который*—греч. *ὁ ἀπὸ... изъ Каріотъ*, Каріотянинъ равно арамейскому $\aleph$.

Въ отношеніи къ смыслу прозванія обѣ формы имѣютъ одно значеніе. Но оригинальность кодекса D и древнелатинскихъ текстовъ побуждаютъ предпочесть орфографію второй формы: *кариотъ*. Сирскіе тексты, читающіе $\aleph$ или $\aleph$, а не Ψ , ничего не говорятъ противъ указаннаго еврейскаго оригинала прозванія и его значенія, ибо они сдѣланы съ греческихъ текстовъ и передаютъ греческую σ , а не еврейскую Ψ . переданную въ греческомъ чрезъ σ . Напротивъ латинскіе тексты, удваивающіе ss, предполагаютъ въ оригиналѣ Ψ , а не $\aleph$, (что доказывается транскрипціей Иеронима *Iscarioth-memoriale* отъ $\aleph$ и *Issacarioth-merces* отъ $\aleph\aleph$ см. ниже),—и толкуютъ какъ D и $\aleph^*$. Рѣдкій вариантъ χ вм $\aleph$ (Ориг) и *ch* въ нѣк. латинскихъ, какъ и $\aleph$ въ сирскихъ (но въ пеш и кур есть варианты и съ ρ), могутъ соотвѣтствовать греческимъ η и χ , однакожь первое слишкомъ твердо засвидѣтельствовано и въ оригиналѣ оно скорѣе предполагаетъ ρ чѣмъ $\aleph$.

Итакъ, слѣдуя оригиналу прозванія $\aleph\aleph\aleph\aleph$ или $\aleph\aleph\aleph\aleph\aleph$ и древнѣйшему толкованію его *ὁ ἀπὸ καριωτῶν*, получаемъ указаніе на мѣсто происхожденія Іуды *изъ Каріотъ*¹⁾. Это есть собственно множественное число отъ $\aleph\aleph$ —городъ. Какъ собственное названіе встрѣчается у Ис. Нав. 15, 25 $\aleph\aleph$ $\aleph\aleph$ LXX *αἱ πόλεις ἀσερών*—города Асеронъ, т. е. или группа городовъ или сложное названіе подобно *хацар-гадда* ib ст. 27 LXX *Ἀσεργαδδα* или *хацар-шуал*—*Асарбоула* ст. 28 и др. под. верѣдко,—теперешній Karjaten (Buhl, Geographie 182 у Zahn'a, Einl. II. 564),—въ южной Іудеѣ, выше Хеврона. Или же *Κορέαι* Иосифа Флавія Antiq. 14, 3. 4, Niese § 49, vol III. p. 248,—5, 2. § 83 p. 254 Bell. 1, 6. 5 § 134 vol. VI. p. 30 и 4, 8. 1 § 449 p. 405—406,—на сѣверной границѣ Іудеи, теперешній Kurjūt или Kariūt, въ полчасѣ на сѣверъ отъ Сило (Robinson, Palästina 3, 301). Моавскій Керіотъ (Нокъ) Ам. 2, 2 и Іер, 48, 41 и другой въ Быт. 49, 17 (Ольсгаузенъ) въ колѣнѣ Дановомъ—трудно допустить. Тоже надо сказать и обѣ $\aleph\aleph\aleph$ однажды упомянутомъ мѣстечкѣ въ Ве-

¹⁾ Нарцательное *καριωτός*—*φοῖμ*—родъ пальмы съ финиками, похожими на орѣхъ,—конечно не допустимо здѣсь.

reschith gabba, кромѣ своей полной неизвѣстности имѣющемъ противъ себя σ и ι , трудно объяснимыя изъ $\aleph$ и γ . (Delitzsch, *Horae Hebr. et Talm.* къ Мѹ 10, 4).

Имѣется не мало примѣровъ, доказывающихъ обычность употребленія у тогдашнихъ Иудеевъ названій лицъ по мѣсту ихъ происхожденія чрезъ $\aleph$ или γ или $\aleph$ — γ . Дальманъ приводитъ: въ *Ierusal. Sabb.* 14. d название одного христианина—*Iakob isch-kephar Samma*,—*Вавил. Sot.* 43. b—*Iehudah isch-kephar Acco*, Мишна *Aboth III*, 7—*Eleazar isch-Barthotha*, *Ierusc. Bez.* 61. c—*Theudas isch-Romej*,—чрезъ арамейское γ : *Zaccaj da-Alexandria*, въ *Ier. Ab. z.* 42. a,—*Iehoschua de-Sichnin* въ *Echa rabb*,—и иногда чрезъ $\aleph$ — γ : *Abdemaj d'min Chejpha*, въ *Midr. Till.* 31, 6,—*Jose d'min Kesari* въ *Babyl. Sanh.* 108. a,—или только $\aleph$: *Mattijah min Debtharthah* въ *Ier. Orl.* 60. d и *Iehudah Missora Bab.* Там. 27. a. Конструкція съ γ , по мнѣнію Дальмана, была повидимому обычно употребляемою въ Палестинѣ. Для греч. ср. *Ναθαναὴλ ὁ ἀπὸ Καρᾶ* Ин 21, 2 и *Αραῖος ὁ ἀφαιμαούς* Юс. Фл. *Bell.* VI. 4. 2. Niese § 229,—VI. 542. G. Dalman, *Die Worte Jesu*, Leipz. 1898. S. 41—42. Подобныя же примѣры приводитъ и Delitzsch, въ выше цит. м.). Греческую аналогію представляетъ *Ἰστοβος* Иосифа Флавія въ *Antiq.* 7. 6. 1, Niese § 121,—2. 117,—*Библ.* $\aleph$ $\aleph$ $\aleph$ 2 Сам. 10, 6. 8 *Εἰστόβ* Ват. и *Ἰστοβ* Алекс. (ср. Nestle, *Phil. sacra*, Berl. 1896. S. 14).

Уже въ этомъ прозваніи Іуды по мѣсту его происхожденія изъ города Керіотъ въ колѣнѣ Іудиномъ и въ Іудеѣ, для объясненія исторіи и личности предателя, мы имѣемъ весьма важное указаніе, что въ средѣ Двѣнадцати Апостоловъ одинъ только онъ былъ Іудеяниномъ, изъ колѣна Іудина, составлявшаго средоточіе и зерно всего послѣдствіа Іудаизма и отличавшагося наибольшимъ религіознымъ фанатизмомъ и національнымъ зилотизмомъ ¹⁾.

¹⁾ Мнѣніе Евсевія, что Іуда происходилъ изъ колѣна Ефремова, объясняется очевидною тенденціею—представить Іуду ненавистнымъ Самаряниномъ и сблизить прозваніе Искаріотъ съ $\aleph$ $\aleph$ $\aleph$ „пьяными Ефремлянами“,—или съ корнемъ $\aleph$ —лгать. Объясненіе это находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что мнѣніе Евсевія изложено именно въ толкованіи его по 28-ю главу Исаи, гдѣ рѣчь о „пьяныхъ Ефремлянахъ, шатающихся отъ вина и сбивающихся съ пути отъ сикера“. Не имѣютъ значенія также: Бар—Еврея, что Іуда происходилъ изъ мѣстечка $\aleph$ —

Было бы однакожь неосновательно пренебречь и возможностью соединенія съ географическимъ прозвищемъ Іуды какого-либо нарицательнаго значенія среди лицъ, стоявшихъ къ нему въ близкихъ отношеніяхъ. Это обычно вездѣ. Толкованія названій по смыслу были весьма распространены и у тогдашнихъ Іудеевъ: ср. Іисусъ у Сир. 44, 6 ср. Мѣ. 1, 21,—Варрава въ Евангеліи Евреевъ у Іеронима, Кифа, Леввей—Ѳаддей, особенно Симонъ *Kananaïos* или *Kanathites*=(*ὁ*)*καριώτης*, изъ Каны, по Мѣ. 10, 4 и Мк. 3, 18,—и *Zhλωτής*—Зилоть, какъ толкованіе по нарицательному смыслу имени у Лк. 6, 15 и Дн. 1, 13 ¹⁾.

Отсюда получается возможность толковать прозваніе въ смыслѣ: „человѣкъ городовъ, Stadtemann (Keil), горожанинъ, градскій человѣкъ“. Такимъ толкованіемъ въ обществѣ ближайшихъ учениковъ Господа могло быть отмѣчено отличіе Іуды, какъ Іудеянина родомъ и горожанина, отъ прочихъ одиннадцати, изъ коихъ одни были простыми Галилейскими рыбаками и поселянами, а другіе (Матѣей-Левей мытарь и братья Заведевы Іаковъ и Іоаннъ), хотя бы и не были таковыми, все же имѣли съ Галилеею и рыболовствомъ ближайшія связи (Дн. 1, 11; 2, 8). Отсюда можно сближать Іуду съ Каиномъ, какъ „строителемъ городовъ“ (Быт. 4, 17), но такое сближеніе конечно не имѣетъ историческаго значенія, т. е. для учениковъ Господа до измѣны Іуды.

Фонетика прозванія допускаетъ и производство отъ יָדָא—множ. по жен. р. неупотребительно, но возможно יָדָאָר (Лев. 26, 21 сл),—получится: „мужъ вражды, противленія, упрямый человѣкъ, самолюбу, фанатикъ“. Въ такомъ случаѣ возможенъ намекъ на различіе въ характерѣ двухъ Іудъ, составлявшихъ, какъ увидимъ, одну, въ спискѣ Апостоловъ поставленную на послѣднемъ мѣстѣ послѣ пяти, шестую пару Двѣнадцати Апостоловъ, такъ какъ другой Іуда прозывается „Леввей“ или „Ѳаддей“, отъ יָדָא—*сердце* и יָדָאָר—*грудь*, т. е. сердечный, душевный, милый, душа-человѣкъ. Потребность въ отличіи обоихъ Іудъ выражена у Ів. 14, 22. Ср.

Секариугъ, въ колѣнѣ Гадовомъ (приведено у Hoesemann's Letzte Bibelstudien, S. 108).—и апокр. указанія на Гадово колѣно (Lipsius Die Apokryph. Apostelgeschichten und Apostellegenden, Ergänzungs-Heft p. 21.

¹⁾ Примѣры въ изобиліи имѣются, кромѣ Библии, въ раввинской литературѣ, у Филона и Флавія.

сближеніе ихъ, но по отношенію къ вѣрѣ и невѣрію во Христа, у Оригена (in Matth. 78. Migne 13, 1727).

Изъ другихъ толкованій прозванія Іуды: а) одни имѣютъ въ виду уже совершившіяся событія преданія и самоубійства Іуды, и потому не историчны, т. е. не могли обращаться среди Двѣнадцати до самыхъ этихъ событій, каковы: „мужъ лжи“— לשון שקר (Притч. 19, 5 ср. Іон. 8, 44—Генгстенбергъ),—или „удушенный—*exsuffocatus*“ отъ מכוסף (Оригенъ, ссылаясь на какого-то анонима—въ вышецитованномъ мѣстѣ),—другія мало вѣроятны и неестественны: такъ Lightfoot въ Ногае... къ Мѡ. 10, 4 производитъ отъ קפודן „кожаный фартукъ или поясъ, къ коему прикрѣплялся кошель или ящищекъ съ деньгами“ (но Іуда имѣлъ *γλωσσοχομον*, какъ увидимъ,—притомъ, вѣроятно, не съ самого призванія въ число Двѣнадцати онъ сдѣлался казначеемъ,—не говоримъ уже о возможности этого прозванія и для отца Іудина),—или „кожевникъ“, „сынъ кожевника“ (но тогда слѣдовало бы ожидать другаго термина ср. Дн 9, 4),—Іеронимъ въ *Liber interpretationis hebraicorum nominum*, ed. Lagarde 2-a *Onomastica Sacra* 62, 6—7 p. 94: *Iscarioth memoriale Domini, quod si volerimus Issacharioth legere interpretatur est merces ejus* (отъ כר или כרש),—или *Onomast. Vatic: ισκαριωθ σκηρή θανάτου (כרש?) הן μισθόστονον η μνεία θανάτου* (ib, 175, 17—18 p. 204),—третьи наконецъ просто нелѣпы, каково напримѣръ мнѣніе профессора Оксфордскаго по толкованію Священнаго Писанія Cheyne, въ *Encyclopædia Biblica*, Art: Iudas и Iericho (§ 7 p. 2401), что вмѣсто *ισκαριωτης* надо читать *ιεριχοτης*, съ чѣмъ можетъ сравниться еще развѣ только мнѣніе Генгстенберга о тождествѣ отца Іуды Симона съ Виванскимъ Симономъ Прокаженнымъ.

Ни для географическаго ни для нарицательнаго значенія прозванія Іуды не имѣетъ большой важности вопросъ: носилъ ли это прозванье одинъ Іуда, или же оно принадлежало и отцу его Симону и было родовымъ, какъ это находимъ у Іа. 6, 71 въ 8 с. В. С. G. L. 33. f. Vg ркп ed Wordsworth,—13, 2 *ΔΛΜΓ* др. f. Vg ркп Word 13, 26 8 BCL др. 33. g. Vg ркп Word. Вѣроятнѣе всего, прозвание Искаріотъ, какъ подобныя же названія другихъ апостоловъ (Кифа-Петръ, Воанергесъ, Леввей-Θаддей, Кананить-Зилотъ), возникло въ средѣ Апостоловъ и впервые даво было Іудѣ. Варианты же относящіе

прозваніе къ Симону, легко могутъ быть объяснены тѣмъ, что и самъ Іуда вѣроятно носилъ второе имя по своему Отцу—Симонъ.

Второе прозваніе Іуды „Предатель“ (Мѡ. 10, 4: *ὁ καὶ παραδοὺς αὐτόν*,—26, 25 *ὁ παραδίδους αὐτόν*,—Мк. 3, 19 *ὁ καὶ παράδοσεν αὐτόν*,—Лк. 6, 16 *ὁ ἐγένετο προδότης*) дано было и утвердилось среди апостоловъ и христіанъ уже послѣ измѣны Іудиной и въ запечатлѣніе ея, а потому для уясненія исторической стороны личности предателя не имѣетъ особаго значенія сравнительно съ самимъ предательствомъ.

IV. Іуда-Апостолъ. Іуда Искаріотъ принадлежитъ къ пяти апостоламъ (Тѡма Близнецъ, Іаковъ Алфеевъ, вѣроятно братъ его Іуда Леввей-Таддей и Іуда? Симонъ Кананитъ-Зилотъ), о коихъ, до перечисленія ихъ въ списокъ Двѣнадцати и притомъ къ концу списка, ничего не сообщается въ евангеліяхъ. Такъ какъ двое изъ нихъ, родные братья Алфеевы и по всей вѣроятности братья (двоюродные) Господа, Іаковъ и Іуда, по замѣчанію евангелиста, „не вѣрили въ Господа“ (Ін 7, 5 ср. Мѡ. 12, 46—50 и парал. Мк. 3, 31—35 Лк. 8, 19—21), т. е. обнаруживали нѣкоторую косеость въ рвеніи къ дѣлу Христову или можетъ быть и долю родственной небрежности (ср. Ін 7, 1—7), а Тѡма не одинъ разъ заявляется то съ своимъ предупрежденіемъ объ опасности вѣрной смерти (Ін 11, 16) не только для Христа, но и для всѣхъ его учениковъ, то съ нѣкоторою тугостію пониманія словъ Христа (Ін 14, 5), то даже съ требованіемъ чувственно-матеріальныхъ доказательствъ въ области явленій духа и вѣры (Ін 20, 24): то можно думать, что эти апостолы, какъ до такъ и послѣ избранія своего, оставили въ памяти евангелистовъ (особенно въ воспоминаніяхъ, сообщающихся у синоптиковъ), сравнительно съ другими семью, менѣе впечатлѣній изъ своей жизни и служенія.

Самое послѣднее мѣсто въ списокъ занимаетъ Іуда Искаріотъ не только по отсутствію такихъ впечатлѣній, но и въ виду его предательства и исчезновенія изъ апостольской среды, на что евангелисты выразительно указываютъ своими дополнительными о немъ замѣчаніями: *ὁ καὶ παραδοὺς αὐτόν* Мѡ 10, 4 *ὁ καὶ παράδοσεν αὐτόν* Мк 3, 19, *ὁ καὶ ἐγένετο προδότης* Лк. 6. 16. У Іоанна нѣтъ апостольскаго списка. Но въ 6, 70—71 предполагается избраніе Двѣнадцати Апостоловъ

(οὐκ ἐγὼ ὑμᾶς τοὺς δώδεκα ἐξελεξάμην?), причемъ также указывается на Иуду, какъ на будущаго измѣнника (καὶ ἐξ ὑμῶν εἰς διὰβολὸς ἐστί). Последнее мѣсто въ апостольскомъ спискѣ предполагается для Иуды и въ Дн 1, 13 сл. ср. ст. 17.

Такъ какъ въ перечнѣ апостоловъ замѣчается явное намѣреніе называть имена попарно, вѣроятно какъ послышались они Христомъ на проповѣдь и апостольствовали при жизни Господа (Мк 6, 7 ср. о другихъ Семидесяти ученикахъ у Лк 10, 1), то для ближайшаго уясненія личности Иуды Предателя не безразличнымъ представляется—точно опредѣлить его пару. Дѣло въ томъ, что пары—не случайны, но опредѣляются: а., однѣ—родствомъ, какъ родные братья Андрей и Петръ, сыновья Заведя—Иаковъ и Иоаннъ (у Мө и Лк ясно указано это родство,—у Мк Андрей стоитъ послѣ Иоанна, хотя въ нѣк. латинскихъ имѣется вариантъ согласный Матѳею,—очевидно Маркъ перечисляетъ уже по позднѣйшему значенію Апостоловъ въ христіанской церкви, какъ „столповъ церкви“ Гал 2, 9,—тоже въ Дн Андрей поставленъ послѣ Петра, хотя код. Е читаетъ согласно Мө. и Лк), Иаковъ и Иуда Леввей-Фаддей Алфеевы (Мө и Мк Иаковъ и Фаддей, Лк и Дн Иаковъ Алфеевъ и Симонъ Зилотъ, Иуда Иаковлевъ и Иуда Искаріотъ,—очевидно для сопоставленія двухъ Иудъ сдѣлано отступленіе отъ паръ апостольскаго списка Мө и Мк),—б. другія—какими-либо особенными отношеніями до слѣдованія за Христомъ и послѣ, какъ Филиппъ и Наѳанаиль-Вареоломей (Ин 1, 43—45—пара у Мө Мк Лк, но Дн Филиппъ стоитъ въ парѣ съ Фомою, а Варееоломей съ Матѳеемъ, вѣроятно по какимъ-либо обстоятельствамъ уже позднѣйшей дѣятельности Апостоловъ въ христіанствѣ). Не совсѣмъ ясны только отношенія пары Фомы и Матѳея (у Мө) или обратно—Матѳея и Фомы (Мк и Лк), хотя прозваніе „двойникъ“ и своеобразный скепсисъ Фомы пожалуй могутъ духовно сблизать его съ „мытаремъ“ Матѳеемъ-Левіемъ. Во всякомъ случаѣ совершенно ясно указанная близость отношеній въ первыхъ четырехъ парахъ позволяетъ искать какихъ-либо слѣдовъ подобнаго же сближенія и между апостолами послѣдней пары—Иудиною.

У Матѳея и Марка въ парѣ съ Иудою Искаріотомъ стоитъ Симонъ Кананей (ὁ Καρναῖος; В С др. мн. Итал. нѣк др.) или Хананей (Χαρναῖος; D Итал. нѣк. Копт изд. Оксф 1898 г. но

вар *Kananaios*, Vg нѣк Word. Orig int) или Кананитъ (*Kananites*—н Е др),—причемъ нѣк. Латинскіе (а. в др.) вмѣсто *thaddeus* читають *et iudas zelotes*, гдѣ Симонъ Зилотъ называется также Иудею. Но у Луки и въ Дѣянїяхъ пару Иуды Искаріота составляетъ Иуда Иаковлевъ.

Такую же двойственность замѣчаемъ и во внѣканоническихъ спискахъ Апостоловъ. Одни согласны съ Матѳеемъ и Маркомъ. Такъ въ Постановленїяхъ Апостольскихъ VI, 14 ed. De-Lagarde p. 173: Петръ и Андрей, Иаковъ и Іоаннъ сыновья Заведея, Филиппъ и Варѳоломей, Ѳома и Матѳей, Иаковъ Алфеевъ и Леввей прозванїемъ Ѳаддей, и Симонъ Кананитъ и Матѳей, потомъ сюда же причисляется Павелъ. Здѣсь пару Иакова Алфеева составляетъ (Иуда) Леввей—Ѳаддей, очевидно какъ его братъ. Въ латинскомъ Хронографѣ 354 г: сходно съ Матѳеемъ кромѣ: Филиппъ и Ѳома (какъ Дн), Варѳоломей и Матѳей (Дн), Иаковъ Алфеевъ и Иуда Зилотъ (Ѳаддей—Леввей его братъ) и Симонъ Кананитъ. Здѣсь уже встрѣчаемъ двухъ Иудъ Симоновъ—Зилота или Кананита и Ѳаддея—Левїя (также и Искаріотъ носилъ имя кромѣ Иуды вѣроятно и Симона). Епифанїй въ Наег. 73, 3 Dind. III. 1. 550: Ѳаддей и Иаковъ Алфеевъ и Иуда Иаковлевъ и Симонъ Кананей и Матѳей. Eritome, 1, 240: Иуда и Ѳаддей, Симонъ Зилотъ, Иуда Искаріотъ. Схолїя къ Постан. Ап. у Lag. p. 282: Иаковъ Алфеевъ и Ѳаддей-Леввей онъ же Зилотъ, Симонъ Кананитъ и Матѳей,—другая схолия p. 283: Иуда Иаковлевъ, Ѳаддей онъ же Леввей и Иуда, Иаковъ братъ Господень, Симонъ Кананитъ или Зилотъ, Матѳей. Пасх. Хрон. ed. Bonn 2, 142: Симонъ Кананитъ, Симонъ Зилотъ, Иуда Искаріотъ.

Другіе соотвѣтствуютъ Лукѣ и Дѣянїямъ. *Διαταγαὶ διὰ Κλημεντος* (у Hilgenfeld'a *Novum Testamentum extra canonem receptum* IV. p. 95) имѣетъ своеобразный списокъ, но въ концѣ стоитъ Иуда Иаковлевъ. *Περὶ Ἰουδῶν* Tischendorf, *Acta Apostolorum apocrypha* 190 sq: Иаковъ Алфеевъ и Симонъ Кананей и Иуда Иаковлевъ. Псевдо-Епифанїй *Περὶ τῶν ἁγίων ἀποστόλων* (по одному код): Иаковъ Ѳаддей (Алфеевъ?), Ѳаддей или Иуда Иаковлевъ, Матѳей. Лат. *Breviarium Apostolorum* по код. XIII в: Симонъ Зилотъ, Иуда братъ Иакова (sic), Матѳей (Lipsius, *Die Apokryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden*, 1, 20—25 212,—II. 2. 259,—Ergänzungsheft 2 sq.).

Затѣмъ имѣются списки, гдѣ имена Апостоловъ то смѣ-

шиваются, то различаются. Таковы, кромѣ вышеприведенныхъ: Псевдо-Ипполитъ: Іаковъ Алфеевъ, Іуда также Леввей, Симонъ Кананитъ сынъ Клеопы (Іуда Іаковлевъ?) также Іудюо называемый, Матѣй, Павелъ,—Псевдо-Дороеей: Іаковъ Алфеевъ, Симонъ Зилоть, Іуда Іаковлевъ, Симонъ Іуда, Матѣй, Павелъ,—Пасх. Хрон. Вопп, р 399: Іаковъ Алфеевъ братъ Господень и епископъ Іерусалимскій, Матѣй, Ѡаддей-Леввей или Варсава, Симонъ Кананитъ названный Іудюо Іаковлевымъ, Іуда Искаріотъ. Тоже въ Еванг. код. (Lips. ib. 1. 24): 10-мъ стоитъ Ѡаддей, у Матѣя Леввеемъ названный, а у Луки Іудюо Іаковлевымъ, у Марка же мытаремъ Левіемъ,— 11. Симонъ Кананитъ, называемый и Симеономъ и Клеопою,— 12 Матѣй.

Добраться до историческаго зерна здѣсь можно, кажется, при предположеніи, что среди двѣнадцати Апостоловъ было три Іуды съ именами Симона: Іуда Симонъ Іаковлевъ (братъ Іакова Алфеева), по прозванію Леввей-Ѡаддей,—Симонъ Іуда по прозванію Кананитъ или Зилоть и Іуда Симонъ по прозванію Искаріотъ.

Отсюда естественно предполагать, что прозванія даны были среди Двѣнадцати Апостоловъ для отличія этихъ трехъ соименниковъ,—и притомъ, какъ обычно это бываетъ въ общинной жизни, въ этихъ прозваніяхъ отмѣчены отличительныя черты и личныя особенности каждаго Іуды. Одинъ отличается сердечностію и душевностію, почему зовется „душа или сердце-человѣкъ“—Леввей-Ѡаддей. Особенность другого Іуды составляетъ „ревность, пылкость, стремительность“ и под., но въ хорошемъ и нравственномъ смыслѣ, какъ пламенное рвеніе къ добру, правдѣ, любви, почему называется Зилотомъ-Кананитомъ. Третій Іуда — крайній іудаистъ, зилоть въ худомъ направленіи упрямства, патріотическаго и религіознаго фанатизма, націоналистическаго эгоизма, мрачный самолюбовъ,—почему его, быть можетъ родовое, прозванье по мѣсту родины Искаріотъ толкуется какъ „человѣкъ упрямства, вражды, противленія“. (Подобное сопоставленіе двухъ Іудъ имѣемъ у Оригена вышец. м.).

Различіе въ характерѣ Іудъ—Іаковлева или Ѡаддея-Леввея и Симона Искаріота, вѣроятно, и лежитъ въ основѣ Апостольскаго списка Луки и Дѣяній, гдѣ эти Іуды и поставлены поэтому въ парѣ.

Но по всему надо думать, что дѣйствительная пара Иуды указана именно у Матѳея и Марка—Симонъ Кананитъ или Зилотъ, ибо Иудѣ Иаковлеву, брату Иакова Алфеева, всего естественнѣе имѣть парю своего брата Иакова, какъ Петръ и Андрей, а также Иаковъ и Иоаннъ—родные братья апостольствовали вмѣстѣ. Въ такомъ случаѣ Иуду Симона Искаріота и Симона Иуду Кананита-Зилота сближала „ревность“—у одного съ положительнымъ и добрымъ направленіемъ, у другого—съ отрицательнымъ и злымъ. Но эта разница въ направленіи и характерѣ ревности обоихъ апостоловъ вполне обнаружилось только уже въ концѣ жизни Господа, послѣ измѣны и самоубійства Искаріота. А до того времени эта разница могла не замѣчаться ясно, по крайней мѣрѣ большинствомъ апостоловъ. Только Иоаннъ Богословъ съ зоркостью орла уже порану усмотрѣлъ въ Искаріотѣ будущаго діавола-измѣнника и вора. Для другихъ же онъ могъ казаться самоотверженнымъ слугою общины въ экономической области, конечно не легкой для работниковъ духа и царства Божія,—и „ревнителемъ о нищихъ“, во время Вианской вечери.

Впрочемъ возможно усматривать сближеніе между Искаріотомъ и Кананитомъ, оставаясь при одномъ только географическомъ толкованіи ихъ прозваній. Прозваніе Кананитъ или Кананей будетъ указывать на происхождение апостола изъ Каны, но конечно не Галилейской, какъ апокрифы (Lips. III, 144; 151,—Ergänzungsheft, 77), потому что эта, очевидно въ отличіе отъ другой, постоянно и выразительно называется у Иоанна Галилейской (2, 1, 11,—4, 2, 6,—21, 2). Притомъ изъ этой Галилейской Каны былъ Наѳанаилъ, не называвшійся по ея имени (Ин. 21, 2), и названіе другого Апостола изъ той же Каны было бы трудно объяснимо. Да и вообще среди земляковъ и сосѣдей (Галилея, Тиверіадское озеро, Назаретъ, Виѳсаида, Капернаумъ, Кана) не принято называться по мѣсту родины. Подобныя прозванія даются только выходцамъ издалека, чужакамъ, приставшимъ къ средѣ земляковъ. Очевидно надо разумѣть Кану, упоминаемую у Ис. Нав. 19, 28, въ колѣнѣ Ассировомъ,—или же мѣстность, гдѣ протекалъ потокъ Кана, на границѣ колѣнъ Ефремова и Манассина (Ис. Нав. 16, 8; 17, 9 ср. Lips. Ergänzungsheft, 20,—изъ Салима на границѣ между Самаріей и Галилеей по Пасх.

Хрон. у Winer'a Wtb. Art. Salim). Такимъ образомъ оба Іуды могли быть сближены между собою, помимо ихъ характера, и какъ чужаки, пришельцы, иногородніе среди земляковъ Галилеянъ, — даже какъ иностранцы, если въ прозваніи *χαρισίαιος* или *χαρισίαιος* видѣть указаніе на Ханаанъ, а Искаріотъ производить изъ Моавскаго Керіота, что однакожь неосновательно.

Въ числѣ другихъ Двѣнадцати Искаріотъ избранъ былъ Господомъ въ апостолы безъ сомнѣнія потому, что подобно прочимъ Двѣнадцати, онъ выдѣлялся изъ множества послѣдователей и учениковъ Христовыхъ одушевленностію своею мессіанскою вѣры и пламеннымъ рвеніемъ къ основанію на землѣ царства Помазанника Божія.

По извѣстію Матѳея Господь призвалъ этихъ Двѣнадцать учениковъ Своихъ (*προσκαλεσάμενος*), когда увидаль толпы народа, жаждавшія правды, суда и милости, но измученныя и брошенныя какъ овцы безъ пастуха, — представлявшія собою обильную жатву для царства Божія, но при малочисленности работниковъ, — и сжалился надъ ними (Матѳ. 9, 35—10, 1). По Марку (3, 13) Господь „восходитъ на гору и призываетъ, кого хотѣлъ Самъ“ (*προσκαλεῖται οὗς ἠθέληεν αὐτός*). По Лукъ (6, 12—13), послѣ всенощной молитвы на горѣ, днемъ Христосъ „призвалъ (*προεφώνησεν*) учениковъ своихъ (*μαθητάς αὐτοῦ*, т. е. многочисленныхъ послѣдователей) и, избравъ (*ἐκλεξάμενος*) изъ нихъ Двѣнадцать, коихъ и Апостолами (*ἀποστόλους*) назвалъ“. И у Іоанна говорится объ этомъ избраніи: „не Я ли васъ Двѣнадцать избралъ (*ἐκλεξάμην*)?“ (Ін. 6, 70). Также и въ Дѣянїяхъ (1, 17) избраніе Іуды Искаріота ничѣмъ не отличено отъ прочихъ, ибо и онъ, какъ и другіе, „причисленъ былъ (поставленъ въ число Двѣнадцати, причтенъ къ Двѣнадцати) у насъ (между нами, среди насъ) и получилъ жребїй служенія сего (апостольскаго)“. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ другими Двѣнадцатью Апостолами Іуду Искаріота Господь по Своему личному желанію избралъ для того, чтобы онъ былъ работникомъ обильной жатвы на нивѣ Божіей, — имѣлъ власть надъ нечистыми духами, изгонялъ ихъ и исцѣлялъ всякую болѣзнь и немощь и воскрешалъ мертвыхъ, — „былъ вмѣстѣ съ Нимъ“ (Христомъ Дн. 1, 21), — „проповѣдывалъ евангеліе царства

Божія“ (Мѡ. 10, 7. 20. 27,—Мк. 3, 13; 6, 7 ср. Лк. 9, 1),— „быль нищимъ, не имѣль у себя ни золота, ни серебра, ни мѣди“ (Мѡ. 10, 9 др.).

Согласно данному Господомъ наставленію (Мѡ. 10 гл.) Іуда Искаріотъ въ парѣ съ Симономъ Кананитомъ ходилъ благо-вѣствовать о наступленіи мессіанскаго царства, терпѣль всѣ необходимыя при этомъ страданія, творилъ чудеса, изгонялъ бѣсовъ, исцѣлялъ болѣзни, воскрешалъ мертвецовъ (Мк. 6, 12—13 Лк. 10, 17).

Замѣчательно, до самой измѣны синоптики не говорятъ объ Іудѣ ничего особеннаго, что предуказывало бы въ немъ будущаго предателя. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ наравнѣ со всѣми Двѣнадцатю, кромѣ Петра, Іакова и Іоанна, коихъ Господь видимо отличалъ отъ другихъ девяти. Значить Іуда, до своей измѣны, не оставилъ среди апостоловъ какихъ-либо особенныхъ впечатлѣній и воспоминаній. Только Іоаннъ Богословъ, и то уже подъ освѣщеніемъ совершившейся измѣны, вдохновеннымъ взоромъ Тайнозрителя провидитъ будущаго предателя въ такихъ обстоятельствахъ, кои другимъ не представляли ничего особеннаго. Даже „имѣніе ковчежца и ношеніе вмѣтаемаго“, на что евангелистъ сдѣлалъ потомъ выразительное указаніе, имѣло въ глазахъ Господа и Апостоловъ такъ мало значенія, что въ самомъ же евангеліи Іоанна (6, 5) съ вопросомъ о покупкѣ хлѣба Господь обращается не къ Искаріоту, а къ Филиппу. Предполагать, что Іуда не пользовался довѣріемъ, значило бы оставлять необъяснимымъ „ношеніе ковчежца“ Іудю и его домохозяйство въ общинѣ. Очевидно, и какъ домохозяинъ общины и носитель ковчежца, Іуда не представлялся чѣмъ-то особеннымъ, на что могли бы обращать вниманіе Господь и Апостолы.

Впервые евангелистъ Іоаннъ обращаетъ вниманіе на Іуду при сообщеніи о послѣдствіяхъ бесѣды Господа о хлѣбѣ жизни. „Жестокое слово о яденіи плоти и питіи крови Сына Человѣческаго“, о религіи самоуничженія, страданій, саможертвъ для самовозстанія къ вѣчной жизни и блаженству, т. е. нравственномъ психо-физиологическомъ и духовномъ перерожденіи человѣка по образу Богочеловѣка,—соблазнило и заставило покинуть Господа тѣхъ, „кто не вѣровалъ въ

Него“, такъ что „многіе изъ (лже)учениковъ Его отошли назадъ (т. е. или по домамъ или въ Иудею изъ Галилеи) и уже съ Нимъ не ходили,—изъ (лже)вѣрующихъ стали настоящими невѣрами, изъ лжеучениковъ врагами.

Однакожь Иуда не соблазнился тогда съ этими многими, по крайней мѣрѣ настолькоъ, чтобы тутъ же покинуть Господа. Съ Двѣнадцатю онъ остается и готовъ словами Петра въ ученіи Христа видѣть „глаголы вѣчной жизни“, а въ Его лицѣ исповѣдывать „Святаго Божія“, т. е. Мессію.

Но, съ другой стороны, слова Господа: „не Я ли васъ двѣнадцать избралъ? и изъ васъ одинъ измѣнникъ“ (6, 70), по замѣчанію Евангелиста, указывали на будущаго предателя, какъ на одного изъ тѣхъ, о комъ зналъ Иисусъ, „кто суть невѣрующіе въ Него и кто предасть Его“ (6, 64. 70—71),—кому Господь не вѣрялъ Себя, хотя они и увѣровали въ Него, ибо зналъ Онъ всѣхъ“ (Ин. 2, 23—25).

Очевидно, этотъ рѣшительный расколъ между вѣрою и невѣріемъ не разорвалъ тогда же для Иуды всѣ связи съ обществомъ Иисуса именно потому, что предатель обладалъ характеромъ болѣе глубокимъ и серьезнымъ, чѣмъ тѣ многіе, кои соблазнились „жестокимъ словомъ“ Иисуса и „отошли отъ Него назадъ“. Какъ и эти многіе, Иуда былъ конечно „душевень и плотянь“, а не „духовень“,—слова Господа о яденіи Сына Человѣческаго, о саможертвѣ любви Сына Божія къ Сыну Человѣческому, для возведенія его въ богочеловѣчество, были и для Иуды не „духомъ животворящимъ“, но „плотью, что ничего не значить“ (т. е. духъ есть сила жизне-творческая, а плоть есть только твореніе духа, его продуктъ, феномень, процессъ и проявленіе духа во временно-пространственной области бытія). Но онъ не могъ такъ скоро и легко порвать всѣ нравственныя связи съ Тѣмъ, Кто ввѣдрилъ въ его сердце образъ „Кроткаго Отрока, Кто трости надломленной не сокрушитъ и льна дымящагося не угаситъ,—Агнца Божія, кроткаго и безгласнаго, невинно берущаго на Себя міровыя грѣхи и страданія,—Пастыря Добраго блуждающихъ овецъ, Цѣлителя немощныхъ, Заступника невинныхъ, Простителя виновныхъ, Упокоителя всѣхъ труждающихся и обременныхъ. „Кровь Невинная“, какъ мы знаемъ, стоитъ предъ духовно-нравствен-

нымъ взоромъ предателя даже и послѣ его полного разочарованія въ мессіанствѣ Іисуса изъ Назарета, какъ неумолимый судья правды „Невинной Крови“ и кривды Іудиной измѣны. Притомъ же и Повелитель не только людей, но и моря, вѣтровъ и демоновъ продолжалъ еще властно влечь къ Себѣ сердце страстнаго и пламеннаго мечтателя о Месіи—чудотворцѣ и Второмъ Избавителѣ, подобномъ Первому (Моисею). Вѣроятно Іуда еще не вполне тогда довѣрялъ себѣ, не полагался твердо на свои субъективныя впечатлѣнія и мимолетныя подозрѣнія,—ждалъ разъясненій соблазна въ дальнѣйшей дѣятельности Христа. Вѣдь и другіе Апостолы еще не вполне понимали истинный духъ ученія Христа. И для нихъ требовалось особое вдохновенное состояніе отрѣшенія отъ плоти и крови, чтобы прозрѣвать во Христѣ Сына Божія и „мыслить не человѣческое, а Божіе“. И ап. Петръ былъ соблазномъ для Христа и назывался отъ Него „сатаною“ и „соблазномъ“ (Мѡ. 16, 23).

Какъ и другіе Двѣнадцатъ, Іуда не ушелъ тогда отъ Того, Кто имѣлъ слово вѣчной жизни, живое и дѣйственное, проникающее до раздѣленія души и духа (Евр. 4, 12),—Кто училъ какъ власть имѣющій, а не какъ книжники и фарисеи (Мѡ. 7, 29). Это властное и дѣйственно-проницательное ученіе Господа и мессіанскія надежды на Галилейскаго Чудотворца могли удерживать Іуду Искаріота до толѣ, пока для него не стало окончательно яснымъ, что это—не тѣ слова и дѣла, какихъ онъ ждалъ отъ Сына Давидова,—что здѣсь—полное отрицаніе всѣхъ его мечтаній, совершеннѣйшая противоположность его мессіанскому идеалу. Вотъ тогда-то уже, какъ увидимъ, Искаріотъ и сдѣлался предателемъ-дѣяломъ.

Объяснять неудаленіе Іуды изъ общества Христова, вмѣстѣ съ другими невѣрами, послѣ бесѣды о хлѣбѣ жизни и его видами на деньги, что могъ онъ извлекать изъ ковчежца, невозможно потому, что въ это время, какъ видно изъ Ін. 6, 5, Іуда не имѣлъ ковчежца и не былъ еще экономомъ общины. Притомъ подобное хозяйственное, такъ сказать, объясненіе какъ-то не бьетъ въ тактъ съ глубоко трагическою личностію Предателя.

Объясненіе чисто теологическое, что Іудѣ надо было оста-